О геногеографии и фолк-хистори

Интервью с руководителем лаборатории популяционной генетики Медико-генетического научного центра, проф. Е.В.Балановской

Перепечатываем беседу профессора Е.В. Балановской с главным редактором журнала «Панорама Евразии» А.Т. Бердиным. Чем занимается наука геногеография? И почему ей необходимо решительно отмежеваться от ненаучных джунглей ДНК-генеалогии А. Клесова? Чем чреваты попытки дилетантов писать «народную генетическую историю»? Какие субъективные и объективные факторы позволили допустить квази-науку в здание Президиума РАН на карачаево-балкарской конференции (Москва, ноябрь 2014)?

«Свою историю мы и так знаем. От вас нам нужно лишь признание». Именно такой спрос на лженауку создает предложение – иначе бы клесовский «научный патриотизм» (так он сам переименовал свою ДНК-генеалогию) оставался бы забавой в стиле астрологического прогноза. «Научный патриотизм» предлагает лже-патриотам, у которых есть своя любимая версия этногенеза ДНК-версию ее поддержки. Именно этот запрос определенных слоев общества и создает аудиторию клесовых, поддерживает их претензии на подмену собою настоящих наук».

Интервью опубликовано в журнале «Панорама Евразии» и на сайте РБ-XXI век.

Азат Бердин. ***Елена Владимировна, насколько актуальны в академических кругах проблемы этногенетики или, как Вы теперь говорите, геногеографии?***

Елена Балановская. Даже слишком актуальны. Как Вы помните, мы с Вашим коллегой по ИГИ РБ, заведующим отделом этнологии Юлдашем Мухамматовичем Юсуповым приехали в Уфу на заседание Президиума Академии наук Республики Башкортостан с очень важной междисциплинарной конференции. Ее организовали два отделения РАН, инициаторы — генетики и этнологи, поскольку между ними в последние годы появилось взаимное непонимание и хотелось его снять, наконец.

Но, конечно же, конференция в Звенигороде была посвящена куда более широким проблемам взаимодействия всех наук об этногенезе – антропологии, археологии, генетики, истории, лингвистики, палеогеографии, этнологии. Специально указываю в алфавитном порядке, чтобы никому обидно не было – все науки важны и равноправны. Каждую из этих наук представляли ее ведущие ученые России, и диалог был очень плодотворен. Наши с Олегом Балановским доклады на пленарном заседании обозначили и проблемы взаимодействия генетики и этнологии, и пути их преодоления.

Азат Бердин. ***В чем суть этих предложений?***

Елена Балановская. Например, я предложила отказаться от термина «этногенетика», который сама же и ввела 35 лет назад, как и позднее термин «этногеномика». Но сейчас забыто их исходное содержание, и эти термины стали вызывать напряжение этнологов — им кажется, что генетика вторгается в их область. Поэтому мы предложили вернуться к классическому термину «геногеография» — он подчеркивает пространственно-временную изменчивость популяционных генофондов.

Также предложена нами новая площадка для диалога и синтеза наук об этногенезе (сайт Генофонд.рф) и многое другое. Кстати, обещание мы уже выполнили и сайт на днях открыт. Мы приглашаем всех и с новыми темами, и к обсуждению уже выложенных дискуссионных материалов, которые просто необходимо обсудить с представителями разных наук.

И должна сказать, что наши доклады возымели свое действие. Директор Института этнологии и антропологии РАН академик Валерий Александрович Тишков изменил свое настороженное отношение к генетике, и даже предложил термин «новый эссенциализм» в этнологии, признавая право генетики изучать этнические популяции как объективные сущности.

Все отмечали, что столь конструктивные конференции с участием ведущих этнологов, генетиков, антропологов, лингвистов и археологов не проводились в нашей стране уже почти 30 лет. Принято решение проводить эту конференцию – ежегодно, но по-прежнему только в самом узком кругу приглашенных участников. И поэтому важно, что — по моей просьбе — на ней уже прозвучал и доклад Юлдаша Мухамматовича Юсупова, который представлял итоги работы Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан.

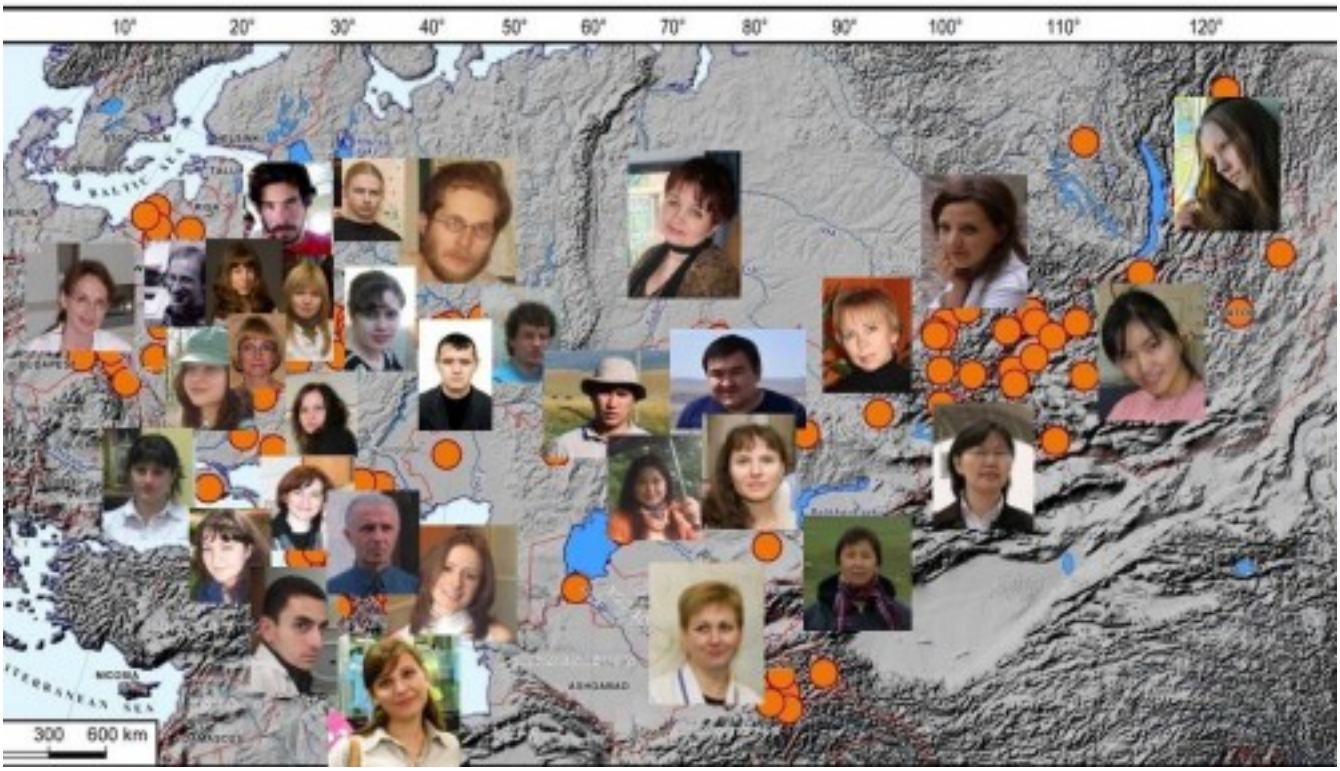
Отмечу, что из 22 докладчиков только двое были не из Москвы и Питера – это член-корр. В.В. Напольских от Удмуртии и Ю.М. Юсупов от Башкортостана.

Следующую конференцию планируем провести в Новосибирске, и я хотела сообщить об этом наметившемся междисциплинарном синтезе, поскольку и ученые Башкирии наверняка примут в нем участие. На сайте Генофонд.рф уже выложены видеозаписи и тексты некоторых докладов (в рубрике Звенигородская конференция http://генофонд.рф/?page_id=1938, http://генофонд.рф/?page_id=640), скоро появятся и другие, и тогда можно всем будет получить представление о том, что обсуждалось на конференции и почему это столь важно.

Азат Бердин. ***Елена Владимировна, расскажите, пожалуйста, в нескольких словах о Вашей команде.***

Елена Балановская. Сейчас ФАНО требует от всех нас формальные показатели, поэтому обрисую нас в терминах ФАНО. Число статей в PubMed около 100, суммарное число цитирований больше 1500, индекс Хирша 20. Большинство статей в зарубежных журналах, включая Nature и Science, поэтому импакт-фактор публикаций большой: за 2013 год – ИФ=122.2, за 2014 ИФ=128.5. Но даже, когда показатели публикаций ФАНО не учитывались — мы все равно попали в высшую категорию лабораторий РАН биологического профиля, поскольку получили одновременно гранты и МКБ, и Российского научного фонда. Я говорю «мы» потому что наша команда включает две лаборатории – мою лабораторию популяционной генетики Медико-генетического научного центра и лабораторию геномной географии Института общей генетики РАН. А еще наша дружная команда включает многих стажеров и исследователей из разных регионов России и сопредельных стран. И в нее замечательно влился коллектив Ю.М. Юсупова.

МЕСТА РОЖДЕНИЯ ЧЛЕНОВ НАШЕЙ КОМАНДЫ

Я изучаю генофонды Евразии уже 40 лет – от Дальнего Востока до Кавказа, от Белого моря до Черного. С 2005 года наш центр представляет Россию в крупнейшем международном проекте «Геногафик», изучающем генофонд всего человечества. Проект включает 11 научных центров мира, и мы были единственным центром, который перевыполнил план во многих отношениях, изучив более 10 000 человек — из народов Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Монголии, Афганистана, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Литвы, Украины, Грузии.
К сожалению, Уральский регион был представлен у нас только Мордовией и Татарстаном, Но чтобы исправить это упущение, мы теперь изучаем башкир подробнее, чем многие другие генофонды нашей страны.

Говорят, что нет пророка в своем отечестве, поэтому хочу подчеркнуть, что в Вашей республике есть собственный сильный коллектив Э.К. Хуснутдиновой. Хотя главным направлением коллектива Эльзы Камилевны является медицинская генетика, но ведутся также и исследования генофонда. И этот коллектив выделяется на фоне других региональных лабораторий – Белгорода, Кемерово, Краснодара и т.д.

С Эльзой Камилевной мы знакомы давно. Когда она защищала докторскую в нашем Медико-генетическом научном центре, я сделала все возможное для успешной защиты в очень непростой обстановке. Потом к нам приезжали защищаться уже ее ученики, которым мы тоже помогали и с удовольствием видели, как постепенно растет смена.

Этногенетикой – хотя теперь решено говорить «геногеографией» – в нашей стране занимаются многие лаборатории. Они обычно изучают «свой» регион. Но я всегда считала, что чем больше разных коллективов изучают один и тот же регион, тем более объективную картину мы в результате получим. И лет десять назад Эльза Камилевна просила разрешения изучать Кавказ под эгидой нашего МГНЦ. Мой директор спросил меня, как быть – ведь моя лаборатория уже давно и успешно работала на Кавказе. И я ответила, что конечно, пусть наш Центр своим авторитетом поддержит Эльзу Камилевну на Кавказе. А взамен дала торжественное обещание, что мы подробно изучим Волго-Уральский регион. И вот теперь, наконец, я в полной мере выполняю свое давнее обещание.

У нашей команды большие технические возможности – каждый год мы генотипируем несколько тысяч образцов, в том числе по самым современным генетическим панелям плоть до полного секвенирования. Полное секвенирование Y-хромосомы ведется уже и для башкирских образцов. Изучение генофонда башкир проводится на достойном уровне, уже охватывая почти 1000 образцов его представителей.

Азат Бердин. ***Чем обусловлена столь оптимистичная перспектива геногеографического изучения этногенеза башкир?***

Елена Балановская. Огромное преимущество при изучении геногеографии башкир дает сохранение клановой (родовой) памяти. Именно его и поставили ученые ИГИ РБ в эпицентр проекта — совмещение анализа и клановой, и пространственной структуры башкирского генофонда. Последние исследования и нашего коллектива, и зарубежных, показывают, что для тех народов, где сохранилась родовая структура, именно она

является редкостным ключом к структуре их генофонда. В Урало-Поволжье только башкиры сохранили память о клановом субэтническом делении, причем есть и документированные исторические предания, и академическое изучение их со времен Руденко и Кузеева. Поэтому мы и придаем такое большое значение детальному изучению населения Башкортостана. Причем важно, что это крайне удачный вариант взаимной заинтересованности и тесного сотрудничества генетиков и этнологов.

Азат Бердин. ***Как развивались Ваши исследования по Башкортостану?***

Елена Балановская. Исследование генофонда народов с учетом его клановой структуры становится новым трендом в мировой науке. Геногеографические исследования родовой структуры и ее аналогов – фамилий — мы начали много лет назад, показав эффективность подхода при изучении русских фамилий. А сейчас широко проводим для генофондов Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Монголии.

Но Уральский регион оставался не охваченным. Поэтому наши казахские коллеги рекомендовали обратиться в Ваш Институт гуманитарных исследований к Ю.М. Юсупову как одному из ведущих специалистов по родовой структуре башкир. И я благодарна им за это – так началось наше успешное сотрудничество с Институтом гуманитарных исследований.

С самого начала было решено, что этнологи включаются в работу генетиков на каждом этапе, Все проводится вместе: планирование экспедиций, выделение ДНК, генотипирование, секвенирование, все этапы биоинформационного анализа и интерпретации. Только совместная на каждом шагу работа позволяет проводить действительно междисциплинарные исследования.

Сегодня уже можно сказать, что в масштабную работу нашего научного центра по изучению генофонда народов Евразии научный коллектив Вашего Института вписался очень гармонично. Он отвечает за крайне сложный сектор Волго-Уральского региона — именно здесь происходит встреча Европы и Азии. Этим замечательным башкирским коллективом уже проведено несколько масштабных экспедиций и в Башкирии, и далеко за ее пределами, в том числе в Предкавказье.
Ведется генотипирование и биоинформационный анализ. И результаты уже показывают, что высокий профессионализм этого коллектива позволяет эффективно выявлять тонкую структуру генофонда башкирского народа.

Азат Бердин. ***Вернемся к методологическим вопросам. Работа отдела этнологии ИГИ РБ, о котором Вы говорили, базируется на общем методологическом направлении этого института – освоении академически выверенных междисциплинарных подходов в науке, к чему давно призывает, например, школа исторической динамики Петра Турчина (США) и Георгия Малинецкого (Россия). Каково Ваше отношение к междисциплинарному подходу?***

Елена Балановская. Я могу только приветствовать междисциплинарный подход, и напоминаю, что сама геногеография, признанная ныне как перспективная научная дисциплина, зарождалась в рамках этого подхода, на стыке биологии и гуманитарных наук — этнологии, археологии, истории. Это приводит и к неизбежным сложностям во взаимоотношениях наук – но именно через дружное решение этих проблем и находится верный путь настоящей науки. На меня произвел впечатление проект «История башкирских родов», результаты которого публикуются в форме серии комплексных монографий, посвященных каждому отдельному клану — я не знаю аналога такого добротного профессионального проекта в других регионах. Постепенно геногеографические исследования родовой структуры станут новым историческим источником при изучении этногенеза башкир.

Хочу обратить внимание на столь скромную роль генетики – она дает лишь дополнительные сведения как один из многих исторических источников, а не вердикт происхождения того или иного рода или народа. Только синтез всех исторических источников, который должны проводить лишь профессионалы в области исторических исследований — конечно, в содружестве с генетиками — может лечь в основу научного изучения этногенеза. Любой шаг в сторону – приводит к явлениям фолк-хистори и квази-науки.

Ведь так легко и удобно, вытянув ту или иную «ниточку» из сложного узора генофонда, связать ее с национальными претензиями и любимыми гипотезами происхождения! При этом генетика используется не для поиска научной истины – какой бы она ни была! — а лишь как якобы научная подпорка для собственных фантазий.
На этом строится фантасмагория ДНК-генеалогии А.А. Клесова, которую он теперь называет «научным патриотизмом». И, к сожалению, метастазы этой лженауки проникли и в ряды некоторых башкирских ученых.

Впрочем, мэйнстрим науки Башкортостана, как пришлось с радостью убедиться при выступлении на заседании Академии наук Республики Башкортостан, непримирим к лженауке. Как у достойных ученых академической сферы, у них отношение к клесовцам и резолюции нашумевшей конференции по карачаево-балкарскому этногенезу у них однозначно отрицательное. Юлдаш Юсупов, например, является соавтором статьи о лженаучной позиции Клесова в «Троицком варианте» и активно поддержал позицию, высказанную в ней коллективом ведущих ученых. У многих возникли серьезные вопросы о позиции Э.К. Хуснутдиновой на этой конференции. Но я уверена, что все эти недоразумения легко разрешимы.

Еще и поэтому мне хочется еще раз подчеркнуть, насколько важны истинно научные междисциплинарные исследования, как радостно, что в Башкирии есть такие профессионалы-этнологи, с которыми можно вести работу на самом переднем крае науки. Уже сейчас коллектив Института гуманитарных исследований находится на мейнстриме мировой науки: образцы башкир включены в полногеномный анализ Y-хромосомы, широкогеномный анализ и даже в проекты полного секвенирование генома.

Азат Бердин. ***Что касается работы Клесова и ДНК-генеалогии. Кажется уместным провести следующую аналогию. У исторической науки есть спутник в виде краеведения, причем многие историки, этнографы порой закрывают глаза на явные несоответствия и перегибы в работе краеведов: краеведы играют важную роль в добыче материала, установления контактов с общественностью и администрацией на местах. Не предполагаете ли Вы, что и ДНК-генеалогия может стать подобным спутником для геногеографии?***

Елена Балановская. Да, конечно, всем нам спутники необходимы на нелегком пути, и нашим наукам тоже. Только важно, чтобы каждый занимался своим делом на своем месте, и спутники помнили, что они — прикладные области, а не академические науки.

У истории кроме краеведения есть и иной спутник – генеалогия. И у популяционной генетики есть прикладные области – не только криминалистика, но и генетическая генеалогия — именно так (а не ДНК-генеалогия) ее называют во всем мире.

Генетики, изучая рода (в их точном этнологическом значении) и родословные, входят в область ген-генеалогии. Но и ген-генеалоги – со своими методами и знаниями – часто оказываются очень полезны генетике. И один и тот же человек может отлично работать и в науке, и в прикладной ее области. Без раздвоения личности, потому что четко различает область и задачи каждой.

Так вот в России у обычной ген-генеалогии появилось альтернативное имя – «ДНК-генеалогия», и содержание ее тоже оказалось столь альтернативным науке, что стало ясно: спутник мутировал в агрессора с амбициями «Звездных войн».

Проблемы возникают лишь тогда, когда методы, рассчитанные на решение прикладных задач, переносятся на комплексные задачи настоящих наук. Этим и занимается сделал А.А. Клесов. Тут-то и возникает лженаука.
Приходится печально констатировать: термин ДНК-генеалогия А.А. Клесовым дискредитирован уже полностью: аналогично термину «расовая теория», он приобрел ярко вненаучный и опасный облик.

Переход от генеалогии отдельных семей (прикладная ген-генеалогия) к истории этносов может проходить только через знание популяционной генетики — поскольку совершается переход от одного уровня организации материи (индивидуального) к другому (популяционному).

Пока ген-генеалогия решает свои вопросы: история рода, семьи, клана — она царит, ее маленькие и особенные выборки компенсируются привлечением массива исторических данных. Но когда уже набирается много клановых выборок для народа – возникает искушение самим дилетантам писать «народную» генетическую историю. Мало того, что они разбиваются о подводные камни неведомой им популяционной генетики — часто мэйнстримом становится горячее желание подобрать генетические фактики под любимую версию происхождения своего народа. А когда «рыба — лучший ихтиолог», то вместо науки рождается слепой лженаучный патриотизм, причем зачастую агрессивный и политически опасный.

Азат Бердин. ***Не думаете ли Вы что нужно перетерпеть и пережить ДНК-генеалогию как моду. Ведь мода меняется.***

Елена Балановская. Скорее как простуду, а не моду. Почихаешь, но пройдет. Честно говоря, именно так и думала. И надеялась, что иммунитета у науки и у общества хватит, чтобы отнестись к ДНК-генеалогии как к надоедливой мухе. Если астрономы будут разбирать каждый астрологический прогноз – кто будет зажигать звезды? Если генетики будут развенчивать бесчисленные фантасмагории ДНК-генеалогии – кто будет изучать генофонды? В ней все так шито белыми нитками: сразу видны «ненаучные джунгли». Увы, оказалось, не всем видны.
И когда мы случайно обнаружили, что на академической конференции в Москве планируется пленарный доклад и круглый стол по ДНК-генеалогии – тут уж ученым, которым есть дело до науки, пришлось сказать свое ясное «нет». И причина не в защите генетики, ей-то как раз ничто не угрожает, а в том, что именно геногеография обязана защитить гуманитарные науки от тех призраков, что выступают под ДНК-маской.

Геногеография в России имеет свою научную школу, признанную мировым сообществом. Например, наш коллектив с 2005 года является одним из 11 научных региональных центров мира в крупнейшем международном проекте «Геногафик». Сам термин «геногеография» введен А.С. Серебровским почти 80 лет назад. Причем геногеография рассматривалась им как раздел не биологической, а исторической науки в ее в неразрывной связке «генофонд-пространство-время-история».

Поэтому геногеография никогда не мыслила себя вне гуманитарных наук. Но рассматривала себя не как диктатора, а как место встречи разных наук, как площадку для междисциплинарных исследований, отводя себе роль одного из многих исторических источников. Совместная работа разных наук требует выстраданной методологии, школы. И это редкостное наследство есть у нашей геногеографии – оно получено от российской антропологической школы, из которой геногеография и выросла.

Поэтому столь смешным персонажем и выглядел проявившийся несколько лет назад химик Клесов: он объявил это богатство «мусором», популяционных генетиков – лаборантами, свел историю к химической кинетике ДНК-мутаций и стал диктовать свои ДНК-фантазии историкам, археологам и лингвистам.

Странно было слышать от гуманитариев: «Интерпретации Клесова, конечно, дикие. Но зато сколько новых гаплотипов он получил, сколько по ним Вы теперь сможете нового выявить!».

И приходилось объяснять, что г-н Клесов использует только готовые ДНК-результаты: данные популяционной генетики, которые она добывает в своих нелегких экспедициях и изучает в своих лабораториях, и коммерческие тесты, оплаченные самими участниками ДНК-проектов или их спонсорами, но никак не г-ном Клесовым. Объясняем, что «своих» данных у него вообще нет. Все что у него есть – простой «калькулятор» химической кинетики да безмерные амбиции решать столь нехитрыми приемами вековые проблемы гуманитарных наук. И каждый раз это вызывало изумление перед великим манипулятором.

И лишь обнаружив, что на академическую конференцию протаскивают клесовскую ДНК-генеалогию, да еще на пленарный доклад, и на руководство круглым столом, я стала просматривать ее последние «достижения». Тогда мне пришлось признать справедливость упреков коллег: нам надо было раньше показывать всем ее суть. Оказалось, что клесовская ДНК-генеалогия уже мутировала в «научный патриотизм»: подмены, подлоги, ложь и подгонка ДНК-данных под заданный вывод стали неотъемлемой чертой этого «альтернативного» движения (цитирую символ веры А.А. Клесова: «альтернативное рассмотрение известной информации в подтверждение заранее сформулированного и нетривиального положения»). Более того, «ДНК-патриотизм» активно включился в политические игры с навязчивыми обвинениями несогласных в русофобии, с теориями заговора и прочим стандартным ассортиментом, а такое недобросовестное использование науки опасно для общества.

Азат Бердин. ***Почему же на конференцию, где на уровне РАН представлялись итоги научного анализа народов Северного Кавказа, были допущены представители квази-науки?***

Елена Балановская. Здесь есть и субъективные факторы в самой организации конференции – они легко преодолимы в будущем, эти уроки легко извлечь. Но есть и объективные – это серьезнее. Но тоже преодолимо общими усилиями.

Субъективных фактора два. Во-первых, конференция частично финансировалась бизнес-кругами изучаемых народов — через А.Х. Тоторкулова, президента фонда Эльбрусоид. Во-вторых, второй фактический руководитель конференции М.Д. Каракетов, судя по всему, счел более важным то, что он карачаевец, а не то, что он сотрудник РАН (договор с ним на 2015 г. не продлен. – Прим. ПЕ). А ведь оба качества так было легко гармонизировать всем на радость!

Эти два фактических руководителя мероприятия допустили в РАН стиль: «кто платит, тот и музыку заказывает». Нам так и заявляли приглашенные лица: «Мы оплатили зал, и мы знаем, о чем мы хотим слышать в нем». Уже первое пленарное заседание, проходившее в главном зале Президиума РАН, мне показалось средним между банкетом в честь юбиляра и политическим митингом пан-тюркизма. Среди выступающих – и это на пленарном заседании РАН — поклонники фолк-хистори были представлены столь широко, что я, как бы это мягко сказать? — очень расширила свой кругозор.

Сумасбродство адептов фолк-хистори, как говорят очевидцы, проявило себя на круглых столах и по лингвистике, и по археологии. На нашем круглом столе – антропологии и генетики — все прошло бы тихо, ведь у нас был лишь один квазинаучный докладчик – А.А. Клесов, а антропологи и генетики цену ему знают. Но кому-то докладчик оказался столь желанным, что ему оплатили и приезд из США, и обеспечили торжественный прием и поддержку. На наш круглый стол – вопреки программе – пришли оба фактических руководителя конференции, передавая друг другу эстафету. Заседание долго не начинали — хотя председатель, докладчики, президиум были на месте — пока не появилась массовка (ее автобус, похоже, задержался). А отложить начало заседания ради некой группы слушателей – дело невиданное. Далее — вновь гибрид юбилея с митингом.

Грубые реплики, выступления и выкрики с мест, топот, требования массовки дать Клесову говорить, сколько он захочет, тогда, как другим докладчикам запретили дискуссию и стали сокращать их доклады.

Квинтэссенцией мероприятия стали события после официального закрытия круглого стола. Как потом выяснилось, в здании Президиума РАН, под прикрытием академической конференции была давно запланирована лекция А.А. Клесова. Но горечь за оскорбленную науку не дала смолчать коллегам- антропологам, и они попробовали начать долгожданную дискуссию, обещанную и М.Д. Каракетовым, и модератором Круглого стола – ведь на нем вообще никакого обсуждения докладов не допустили! Но

научная дискуссия ученых явно не входила в планы организаторов – в Красном зале Президиума РАН хозяйничал и распоряжался А.Х. Тоторкулов, ни к РАН, ни к науке отношения не имеющий. Он стал наводить свой «порядок», освобождая от ученых место на трибуне для А.А. Клесова, не стесняя себя правилами хорошего тона. Я все же смогла задать присутствующим простой вопрос – чего они хотят: дискуссию или лекцию Клесова? Организованная массовка дружно ответила: «Лекцию». Клесов заявил, что в дискуссии вступать не будет. Проблема была решена просто и ясно. Я объявила: «Тогда ученые уходят. Неученые – слушают гуру». В зале осталась слаженная группа – очевидно, неученых.

Вывод из всей этой нелепицы оказался неожиданным – как же надо бояться правды и научной честности, чтобы заранее организовывать такие спектакли. Как очевидна слабость лженауки – она страшится даже небольшой дискуссии с наукой даже в столь оранжерейной обстановке – при поддержке организованной массовки, мускулистых активистов и всемогущих спонсоров. Важный для меня вывод – оказывается, они точно знают, что сила — на нашей стороне, она в правде, в научной истине.

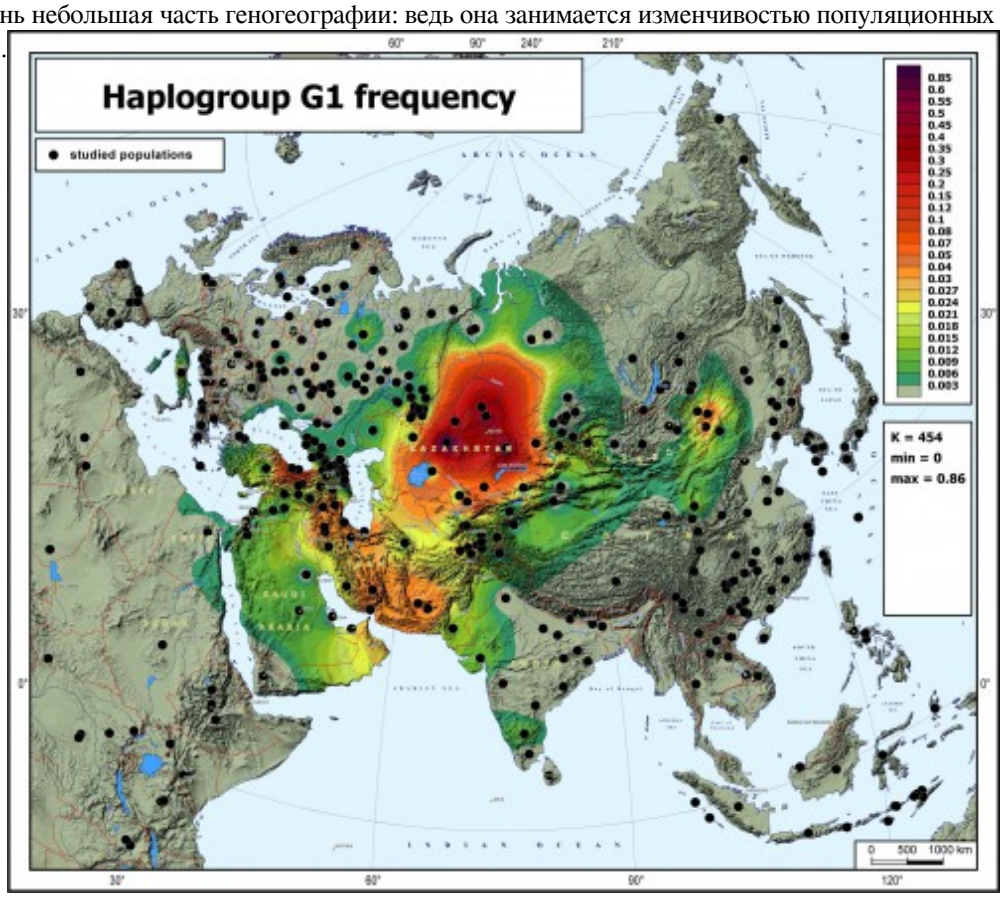
К сожалению, эти бури все никак не утихают. Новую мощную волну «страстей по аланству» вызвало недавнее внезапное появление странной резолюции этой конференции на сайте Института этнологии и антропологии РАН. И ее быстрое исчезновение с сайта, как только руководство ИЭА о ней узнало. В действительности эта «борьба за аланство» с исторической точки зрения бессмысленна, а дележка знатных предков ни к чему доброму привести не может.

Азат Бердин. ***Вы упомянули и об объективных факторах событий этой конференции.***

Елена Балановская. Их тоже два. Первый – это трещина, возникшая в последние годы между этнологией и генетикой. Через нее и проползают фолк-хистори, клесовская ДНК-генеалогия, разновидности ДНК-расизма, ДНК-национализма и иные версии биологизации этнического. И уж коли я выступала перед этнологами, то целиком посвятила свой доклад опасности этой трещины и путям ее преодоления (отчасти на примерах карачаевцев и балкарцев). Но это большая и отдельная тема

разговора.

Здесь есть еще один повод для непонимания — порой ошибочно приравнивают геногеографию к картографическим методам. Это все равно, что свести человека к его скелету или всю лингвистику к лексикостатистике. Да, карты очень важны и нужны, ибо современные геногеографические карты это не «картинка», а инструмент моделирования, анализа и синтеза пространственной изменчивости генофонда, проводимого методами одномерной и многомерной статистики. Более того, карты – это не просто инструмент, но еще и язык общения представителей разных наук.
И все же карты — это ядерная, но очень небольшая часть геногеографии: ведь она занимается изменчивостью популяционных генофондов в пространстве и времени.

Именно поэтому геногеография выступает как исторический источник для изучения этногенеза – и именно здесь их общее поле деятельности с этнологией. При этом вопросы этноса и этничности, конечно же, находятся в ведении этнологии, а не геногеографии. Мы много лет повторяем: гены лишь щепки в потоке истории. Они помогают прослеживать ход и скорость ее течения, ее изгибы и водовороты, но никогда не определяют ход истории – они лишь следуют за ним.
И есть уверенность, что с этим объективным фактором – трещиной в отношениях генетики и этнологии – нам общими усилиями удастся справиться. Эта уверенность основана на успехе междисциплинарной конференции в Звенигороде, о которой я рассказывала.

Азат Бердин. ***Второй объективный фактор также преодолим?***

Елена Балановская. С ним проблемы. Второй фактор уже из области политологии и социальной психологии. Значительная часть общества, как мне кажется, склонна предпочесть удобную подделку под науку, чем ее зачастую неудобные выводы. Поиск научной истины имеет куда меньший престиж, чем популистские паззлы из специально подобранных фактов.

Меня поразило высказывание одного из массовки на карачаево-балкарской конференции: «Свою историю мы и так знаем. От вас нам нужно лишь признание». Именно такой спрос на лженауку создает предложение – иначе бы клесовский «научный патриотизм» (так он сам переименовал свою ДНК-генеалогию) оставался бы забавой в стиле астрологического прогноза. «Научный патриотизм» предлагает лже-патриотам, у которых есть своя любимая версия этногенеза ДНК-версию ее поддержки. Именно этот запрос определенных слоев общества и создает аудиторию клесовых, поддерживает их претензии на подмену собою настоящих наук.

Как действовать науке в ответ? На мой взгляд, в двух направлениях. Для тех немногих, кто хочет разобраться – представить научный разбор подмен в наиболее популярных заявлениях Клесова. Такие разборы уже есть на антропогенез.ру и на генофонд.рф, и продолжение скоро последует. Для тех же, кто разбираться не будет, но и не хочет, чтобы его морочили –

публиковать в СМИ информацию о том, что это лженаука (см. публикации в Троицком варианте, газете.ру, полит.ру – они приведены на нашем сайте).
И, конечно, крайне важно, чтобы ученые однозначно отмежевались от лженауки и решительно не пускали ее в академическую среду. Поэтому предложения некоторых генетиков и антропологов, прозвучавшие на итоговом пленарном заседании этой странной конференции — предоставить лженауке Клесова и популяционной генетике равные условия для развития – я считаю ударом в спину науке.

Азат Бердин. ***Соглашусь, что это был сильный удар не только по академической науке, но и по имиджу научных кругов карачаевцев и балкарцев. Рано или поздно это может негативно отразиться на всей общественной сфере Северного Кавказа.***

Елена Балановская. Надеюсь, что это не так. Мне кажется, что есть ясное понимание, что те, кто хотят использовать лженауку для политических и псевдопатриотических целей, — маргиналы, не они определяют мэйнстрим науки в этих республиках. Для того, чтобы справиться с этой инфекцией, генетики сделали все, что могли, — теперь передаем эстафету обществоведам и в целом гуманитариям. Надо сделать все, чтобы избежать дискредитации гуманитарной науки в национальных республиках и отечественной науки в целом.

Азат Бердин. ***Благодарю за беседу!***

Панорама Евразии. 2014. №2 (13). С.34-41.